DOI: 10.17976/jpps/2020.06.05

КИТАЙ – РОССИЯ – США: ОТНОШЕНИЯ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ТРЕУГОЛЬНИКИ

Т. Грэм

ГРЭМ Томас, политолог и бывший дипломат, заслуженный деятель Совета по международным отношениям, научный сотрудник Йельского университета, старший советник Kissinger Associates, Нью-Йорк (США), email: tgraham@cfr.org

Грэм Т. Китай – Россия – США: отношения и стратегические треугольники. – Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 62-72. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.05

Статья поступила в редакцию: 21.08.2020. Принята к публикации: 22.09.2020

Аннотация. На геополитической сцене современности наиболее активную роль играют Китай, Россия и США. Один из ключевых вопросов заключается в том, способны ли эти державы воспроизвести американо-китайско-советский стратегический треугольник 1970-х годов, действия которого кардинально изменили мировой геополитический ландшафт. Тот треугольник возник в результате политического решения США восстановить отношения с Китаем в рамках стратегии по выходу США из войны во Вьетнаме "с честью", ограничить растущую мощь Советского Союза и стабилизировать Восточную Азию. Искусная дипломатия Вашингтона позволила ему добиться своих целей, но треугольник сохранялся большую часть 1970-х годов, поскольку служил в том числе продвижению интересов Советского Союза и Китая. Сегодня возвращение соперничества великих держав дало почву для дискуссий о появлении нового стратегического треугольника. Однако на данный момент такого треугольника не существует, и в первую очередь потому, что США не заинтересованы в установлении рабочих отношений с Россией. Поскольку Вашингтон не рассматривает действия России как вносящие значимый вклад в угрозу, которую для США представляет Китай, он мало что предпринимает для сдерживания растущего сближения России и Китая. Именно от России будет в основном зависеть, образуется ли такой стратегический треугольник. Россия должна убедить и Вашингтон, и Пекин в том, что своими политическими решениями она способна существенно менять баланс сил между ними – как сейчас, так и в будущем. На данный момент ни в Вашингтоне, ни в Пекине не верят в то, что Россия способна на это. Прежде всего – поскольку сомневаются в способности Москвы оживить свою экономику и наработать ресурсы, необходимые для подкрепления ее великодержавных амбиций в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: США, Китай, Россия, Киссинджер, геополитика, стратегический треугольник.

Китай, Россия и США – ключевые игроки глобального геополитического театра современности. Отношения между ними и проводимая ими политика оказывают непосредственное влияние на ландшафт всего евразийского суперконтинента и являются предметом множества исследований экспертами из Китая, России и (в меньшей степени) США. На наш взгляд, в рамках этой темы наибольший интерес вызывает следующий вопрос: можно ли утверждать, что современные отношения великих держав в этом треугольнике тождественны той модели, которая в конце 1970-х годов сложилась в рамках "большого треугольника" между США, Китаем и СССР и привела к системной трансформации глобальной геополитики? Является ли современный треугольник *стратегическим*, как 40-50 лет назад?

Определимся, что именно мы понимаем под стратегическим треугольником. По своей сути это властные отношения между тремя акторами, далеко выходящие за рамки обычного типа взаимодействий. Это отношения, изменение характера которых может оказать существенное воздействие на глобальный баланс сил. Если трехсторонние отношения – обычный для мировой политики формат, то стратегические треугольники встречаются нечасто и возникают лишь при определенных условиях. А именно, по меньшей мере два из трех участников треугольника должны представлять собой примерно равных по силе доминирующих глобальных акторов, а третий – иметь такой геополитический вес, при котором стратегические решения этого актора способны повлиять на баланс сил между двумя другими. Державы "второй категории" не способны к формированию стратегических треугольников, даже если изменения в их взаимоотношениях влекут за собой значительные последствия для всех трех стран, поскольку эти взаимоотношения не влияют на глобальный баланс сил. Таким образом, биполярные и трехполюсные мировые порядки способствуют возникновению стратегических треугольников – а, возможно, выступают и необходимым для их появления условием.

Объективные условия – это лишь часть картины. Государственные деятели ведущих держав должны пользоваться возможностями трехсторонней дипломатии, чтобы продвигать или, напротив, тормозить стратегические амбиции. От них требуется готовность и способность искусно маневрировать, чтобы сместить баланс сил внутри треугольника в свою пользу. Стратегический треугольник не существует "сам по себе", а представляет собой продукт политического выбора, который создается как часть стратегического замысла.

Это и произошло в 1970-х годах, во многом благодаря стратегическому мышлению двух государственных деятелей – президента США Ричарда Никсона и его советника по национальной безопасности Генри Киссинджера. Среди разработанных ими стратегических императивов особо выделялись три: завершение "с честью" войны во Вьетнаме, сведение к минимуму негативных последствий достижения Советским Союзом ядерного паритета с США, и стабилизация геополитической ситуации в западной части Тихого океана – в Восточной Азии. Воспользовавшись острой напряженностью, царившей в китайско-советских отношениях, США преуспели по всем трем направлениям благодаря искусной трехсторонней дипломатии. Она разыгрывалась между ключевыми геополитическими акторами: сверхдержавами СССР и США и Китаем, который хотя и намного отставал в материальном отношении, единственный из всех прочих ведущих стран располагал весом как в мировом коммунистическом движении, так и на глобальной арене, который придавал его политическому курсу способность влиять на глобальный баланс сил.

Как известно, в середине 1950-х годов отношения Москвы и Пекина стали стремительно ухудшаться, якобы по идеологическим причинам. На протяжении 1960-х годов напряженность продолжала нарастать: между двумя столицами развернулась борьба за лидерство в мировом коммунистическом движении, Китай создал собственный ядерный арсенал и выдвинул претензии на советские территории, которые Российская империя захватила через заключение неравных договоров с приходящей в упадок династией Цин в середине XIX в. Пекин был встревожен перспективой вмешательства Москвы в его внутренние дела, особенно после вторжения войск СССР в Чехословакию в 1968 г. и выдвижения "доктрины Брежнева", согласно которой Советский

Союз имел право и даже обязанность защищать социалистические завоевания в любой стране, присоединившейся к соцлагерю. Накопившаяся напряженность выплеснулась в ходе пограничных столкновений весной и летом 1969 г., самые трагичные из которых, развернувшиеся в марте на острове Даманский на реке Уссури, привели к сотням убитых с обеих сторон.

К 1970 г. советско-китайские отношения приобрели характер, типичный для соперничества между великими державами. Применительно к целям, поставленным Никсоном и Киссинджером, важнейшее значение имел тот факт, что Китай стал рассматривать СССР как источник главной угрозы своим интересам – более серьезной, чем та, что исходила от империалистической американской державы[1]. Кошмаром Китая был советско-американский стратегический кондоминиум, направленный на его сдерживание. Что примечательно, в Москве пришли к аналогичному выводу относительно Китая, хотя тот был втянут в утомительную холодную войну с США. Достижение СССР ядерного паритета значительно снизило риск войны с США, однако для фанатичных (по мнению Москвы) китайцев угроза катастрофической ядерной войны не казалась существенным сдерживающим фактором. Кроме того, СССР и США никогда не вступали в открытый вооруженный конфликт, тогда как Советский Союз лишь недавно вышел из такого конфликта с Китаем. Итак, в Москве полагали, что наибольшая угроза в ближайшей перспективе исходит именно от Пекина, а худшим сценарием было бы формирование антисоветского американо-китайского стратегического альянса.

Сложившаяся ситуация открывала уникальное окно возможностей для стратегического маневра США, и перед Никсоном и Киссинджером стоял лишь вопрос о том, как использовать его наилучшим образом. Для них было принципиально важно избежать обострения напряженности в отношениях СССР и Китая, что могло бы привести к крупному военному конфликту, вплоть до ядерной войны, с разрушительными последствиями не только для ее участников. Не было стратегически оправдано и заключение альянса с одной из сторон против другой. Что бы США выиграли, взяв на себя обязательство защищать Китай от нападения СССР? Аналогичным образом, зачем Вашингтону заключать союз со своим главным стратегическим конкурентом против державы, которая оттягивала на себя часть ресурсов, которые Москва могла бы использовать против США [см. Kissinger 1979: 763-770]? Политика, разработанная американскими лидерами, была более тонкой: используя страх перед потенциальным альянсом своего соперника с США, создать для каждой из стран стимул добиться лучших отношений с Соединенными Штатами.

Однако для воплощения этих планов в жизнь США было необходимо сначала установить отношения с Китаем, т.е. построить китайско-американский участок стратегического треугольника, что представляло собой нелегкую задачу. После прихода к власти в Китае в 1949 г. коммунистического

[1] См., например, отчет четырех китайских маршалов от 11 июля 1969 г., подготовленный по приказу Мао, в котором утверждалось, что “советские ревизионисты сделали Китай своим главным врагом; от них исходит более серьезная угроза нашей безопасности, нежели чем от империализма США”. Военное руководство считало полномасштабную войну маловероятной, но одновременно было убеждено в том, что США встретят советско-китайский конфликт аплодисментами, и политика Вашингтона по ослаблению напряженности в отношениях с Москвой преследует именно эту цель. См. *Report by Four Chinese Marshals, Chen Yi, Ye Jianying, Xu Xiangqian, and Nie Rongzhen, to the Central Committee: “A Preliminary Evaluation of the War Situation” (excerpt), July 11, 1969.* URL: https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/117146 (accessed 10.10.2020).

правительства между странами воцарилась атмосфера глубокого недоверия. Начиная с 1969 г. через посредников из Франции, Румынии и Пакистана Никсон давал Пекину понять, что готов к налаживанию отношений. Хотя вывод американских войск из Вьетнама и сокращение американского контингента в западной части Тихого океана состоялись преимущественно по внутриполитическим причинам, Никсон хотел верить, что эти шаги понизят уровень американской угрозы в глазах пекинского руководства. Глава Белого дома запустил и ряд других инициатив, которые должны были дать Китаю понять, что США не считают его серьезной угрозой: так, было прекращено постоянное патрулирование Тайваньского пролива. Эти шаги достигли своей цели – активизации дипломатических отношений с Китаем, кульминацией которой стали секретный визит Киссинджера в Пекин в июле 1971 г. и визит Никсона в феврале 1972 г. Без сомнений, это был брак по расчету, который зиждился не на устойчивых ценностях и принципах, а на общей потребности геополитически сдерживать советский экспансионизм. Это стало базисом для появления стратегического треугольника.

Результаты для Вашингтона не заставили себя ждать. И Москва, и Пекин дистанцировались от Ханоя, что сыграло свою роль в заключении соглашения между США и Северным Вьетнамом в 1972 г., положившего конец американскому участию во Вьетнамской войне. Сближение с Пекином побудило Москву более активно включиться в переговоры по ограничению стратегических вооружений, что способствовало подписанию Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) и Договора о сокращении стратегических вооружений (ОСВ-1) в мае 1972 г. Кроме того, Китай согласился на размещение наблюдательных постов на севере страны для отслеживания действий советских войск в Азии.

Управление стратегическим треугольником требовало от Вашингтона искусной дипломатии. Никсону и Киссинджеру приходилось убеждать Москву и Пекин в том, что они не вступают в сговор с соперником одной из сторон, тогда как на деле стремились улучшить свои отношения с этим самым соперником. Одновременно необходимо было поддерживать у обеих сторон подозрение в том, что если какая-либо из них откажется работать с Вашингтоном, то у того всегда остается в запасе альтернатива альянса с ее соперником [ibid.: 190]. Задача американского руководства несколько облегчалась постоянными предложениями – то из Москвы, то из Пекина – о заключении того или иного рода альянса против другой стороны. В то же время ее осложняли внутренняя нестабильность в США в связи с войной во Вьетнаме и Уотергейтский скандал, который привел к отставке Никсона с президентского поста.

Решение этой задачи в целом взял на себя Киссинджер. Ведя переговоры с СССР по ОСВ-1, он снабжал китайскую сторону достаточным количеством информации, чтобы уменьшить ее беспокойство. США установили разведывательные посты в Китае, но воздерживались от дальнейшего развития двустороннего сотрудничества в области безопасности и обороны, которое могло бы спровоцировать Москву. Укреплению доверия между сторонами треугольника способствовало и то, что США, как при Никсоне, так и при его преемнике Джеральде Форде, отказались от каких-либо попыток подорвать советскую и китайскую системы изнутри. С американской точки зрения, трехсторонняя дипломатия была в целом успешной; при этом, пока Киссинджер курировал внешнюю политику США, она позволяла Москве и Пекину продвигать свои стратегические интересы. С наступлением периода разрядки Москва добилась

признания своих геополитических позиций в Европе и признания Америкой Советского Союза как равного, по крайней мере, в ядерной сфере. В свою очередь, Китай получил более высокую безопасность относительно СССР и отдаление США от Тайваня. Одна из ключевых причин успеха стратегического треугольника в первое время его существования была связана именно с тем, что каждая из его сторон получила собственную выгоду – даже при том, что США выиграли больше всех.

Эффективность треугольника резко упала после того, как на посту президента США Форда сменил Джимми Картер, а в январе 1977 г. советником по национальной безопасности стал Збигнев Бжезинский. Приверженность Картера вопросам защиты прав человека и сокращения ядерных арсеналов выходила далеко за рамки договоренностей Кремля с предыдущей администрацией Белого дома, что вызвало рост обеспокоенности в Москве. Стремление Бжезинского быстро улучшить отношения с Пекином и разыграть против Москвы "китайскую карту" также подорвало доверие Кремля. Администрация Картера не использовала треугольник для улучшения отношений как с Москвой, так и с Китаем; он сдвигался в сторону Китая и использовался для того, чтобы заставить Москву уступить свои позиции Вашингтону.

Это привело к краху разрядки, значительный вклад в укрепление которой внес именно стратегический треугольник Китая, СССР и США. В 1980-х годах он существенно утратил свою значимость, а в 1991 г. с распадом Советского Союза и вовсе перестал существовать как инструмент глобальной дипломатии. Ни одна из трех столиц более не нуждалась в нем. Соперничество великих держав затихло.

* * *

Возрождение соперничества великих держав после мирового финансового кризиса 2008-2009 гг., которое обострил кризис в Украине 2014 г., возродило и дискуссии о стратегическом ("большом") треугольнике Китай – Россия – США и его роли в международных вопросах. Россия и Китай сблизились в стратегическом отношении, чтобы бросить вызов господству США в международной системе и затормозить их кампании против каждой из них – для России прежде всего в Европе, для Китая в Восточной Азии и за ее пределами, а также чтобы установить новый глобальный баланс сил. Существенно вырос уровень их связей в сфере торговли и безопасности. Москва и Пекин проводят совместные воздушные и морские учения в стратегических локациях как в Азии, так и в Европе. Они активно координируют позиции в международных организациях, прежде всего в Совете Безопасности ООН. Неудивительно, что среди экспертов обеих стран велик интерес к этому треугольнику.

Тем не менее мы до сих пор не наблюдаем возрождения стратегического треугольника Китай – Россия – США, и главным образом потому, что Вашингтон отказывается признавать его существование как релевантной политической сущности. Безусловно, в США существует консенсус относительно того, что и Китай, и Россия – это стратегические конкуренты. Авторы последнего обзора международных угроз, опубликованного Разведывательным сообществом США в январе 2019 г., предупреждают: "Китай и Россия сблизились сильнее, чем за весь период с середины 1950-х годов, и их отношения, скорее всего, будут укрепляться и дальше на базе совпадающих интересов и восприятия угроз, к числу которых они относят американскую политику

‘односторонности и интервенционизма’, а также продвижения западных демократических ценностей и прав человека”[2]. Их соперничество с США, отмечают авторы, “пронизывает все сферы, включая гонку за технологическое и военное превосходство, и все более затрагивает сферу ценностей”[3].

Впрочем, в Стратегии национальной безопасности США, опубликованной в декабре 2017 г., не говорится ничего существенного о том, что китайско-российское сотрудничество представляет собой угрозу для США. Кристофер Форд, высокопоставленный сотрудник Государственного департамента США, пишет о растущем стратегическом вызове со стороны Китая и России, однако рассматривает их отдельно, безотносительно того измерения, которое возникает при их взаимодействии [Ford 2020]. Администрация Трампа пока предпочитает не рассматривать китайско-российское сотрудничество как серьезную угрозу, отдавая предпочтение политике, которую можно охарактеризовать как “двойное сдерживание”. То, что такой подход привел к еще более тесным отношениям между двумя странами, судя по всему, мало беспокоит американских политиков и, за редким исключением (см., например, [Allison 2018]), американских экспертов.

На такую позицию Вашингтона влияют два фактора. Во-первых, в Белом доме, попросту говоря, не испытывают уважения к российской мощи. С момента окончания холодной войны там полагают, что Россия находится в упадке, и на эту позицию никак не повлияло ни восстановление России после 2000 г. при В. Путине, ни ее значительно более решительные действия на международной арене с 2012 г. Вашингтон видит страну со стагнирующей экономикой, отстающую в технологическом отношении, и убедил себя в том, что Россия является не более чем краткосрочным препятствием, которое исчезнет само собой. По крайней мере, в значимых для США вопросах Вашингтон считает Москву скорее помехой, нежели серьезной угрозой. Что характерно, российский вопрос стал фактором внутренней политики США – политические оппоненты Дональда Трампа разыгрывают карту его якобы тесных связей с Россией, чтобы ослабить его политические позиции, а конгрессмены наперебой предлагают новые санкции против Москвы, стремясь продемонстрировать свою жесткость, мало задумываясь о том, как эти санкции могут сказаться на реальных действиях России на мировой арене. Намного меньше внимания уделяется вопросу о том, как иметь дело с российским внешнеполитическим вызовом американским интересам как таковым – в Европе, на Ближнем Востоке и в других регионах.

Во-вторых, в Белом доме сомневаются в прочности российско-китайского стратегического партнерства, даже в условиях постоянного давления США на обе страны. Там мало верят в громкие слова об их единстве, звучащие на встречах В. Путина и Си Цзиньпина, и сомневаются в значимости России для Китая. Да, торговля между странами существенно выросла – с менее чем 65 млрд долл. в 2015 г. до более чем 110 млрд долл. в 2019 г.[4], и Китай стал крупнейшим торго-

[2] Coats D.R. 2019. *Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community, Statement before the Senate Select Committee on Intelligence.* URL: https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/2019-ATA-SFR---SSCI.pdf (accessed 13.10.2020).

[3] Ibid.: 4.

[4] *Value of Russian trade in goods (export, import and trade balance) with China from 2007 to 2019.* URL: https://www.statista.com/statistics/1003171/russia-value-of-trade-in-goods-with-china/ (accessed 13.10.2020).

вым партнером России[5]. Тем не менее важнейшим торговым партнером России и главным источником прямых иностранных инвестиций по-прежнему остается Европа, несмотря на то, что их абсолютные показатели и относительная значимость снизились после 2012 г. вследствие падения цен на нефть и санкций в связи с кризисом в Украине[6]. Кроме того, в торговом отношении Россия не так важна для Китая. Она не входит в первую десятку его торговых партнеров, а объем торговли с США больше, чем в шесть раз превосходит объем торговли с Россией[7]. Вашингтон не видит особых возможностей для гармонизации деятельности Евразийского экономического союза и инициативы "Один пояс – один путь", о которой заявляют Москва и Пекин, поскольку позиция российской стороны является по своему духу протекционистской, а китайская инициатива являет собой амбициозный экспансионистско-интеграционный проект.

Кроме того, в Вашингтоне видели, что Китай неохотно поддерживает действия России в Европе, где Россия представляет собой наибольшую проблему. Пекин отказался поддержать Россию и признать независимость Абхазии и Южной Осетии в 2008 г., равно как присоединение Крыма к России в 2014 г. По мнению американских политиков, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) представляет собой скорее дискуссионную площадку, нежели инструмент принятия совместных политических решений, поскольку Китай воспрепятствовал попытке Москвы превратить ШОС в организацию, подобную НАТО.

В Вашингтоне по-прежнему убеждены, что стратегическое сближение России и Китая имеет свои четкие пределы, связанные с историческим антагонизмом, проистекающим из эксплуатации Китая Россией в XIX и XX вв., ее нежелания играть роль младшего партнера в долгосрочной перспективе, расовых предрассудках в обеих странах, а также националистического фундамента их внешних политик. Пусть даже их раздражает "глобальное господство" США и они бы желали видеть мир многополярным, в Белом доме наблюдают существенное расхождение в том, как они видят желаемый мировой порядок. Россия, судя по всему, стремится демонтировать современный порядок и заменить его концертом великих держав, опирающимся на сферы влияния. В свою очередь, Китай, который извлек из современного основанного на правилах порядка огромную выгоду, скорее заинтересован сместить баланс сил в его рамках в свою пользу, играя более значимую роль в определении самих правил – так сказать, переписав их иероглифами.

В Белом доме уверены, что США несоизмеримо важнее для реализации интересов Китая в экономике и сфере безопасности, чем Россия. Поэтому Пекин не собирается жертвовать своими непростыми отношениями с США, чтобы защитить Россию от реакции Штатов на российскую политику, которую сам зачастую считает опрометчивой и излишне агрессивной, как в случае с Грузией или Украиной. И Вашингтон пока остается при этом мнении, даже несмотря на рост токсичности конкуренции между Китаем и США вследствие пандемии COVID-19.

[5] *Russia: Exports, Imports, and Trade.* URL: https://oec.world/en/profile/country/rus/ (accessed 13.10.2020). Также см. [Nabil 2020: 21-27].

[6] См. обзор Европейской комиссии о торговле с Россией. URL: https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/russia/ (accessed 13.10.2020). О прямых иностранных инвестициях ЕС в Россию см. [Domínguez-Jiménez, Poitiers 2020: 3-5]

[7] *China: Exports, Imports, and Trade*. URL: https://oec.world/en/profile/country/chn (accessed 13.10.2020).

По сути, в Вашингтоне попросту не верят, что Россия существенно усугубляет проблему, которая исходит из самого Китая. Следовательно, усилия по дистанцированию России от Китая не оправданы, так как не предоставят Штатам какие-либо новые рычаги влияния на Пекин. Поэтому Вашингтон не считает необходимым активизировать российско-американский участок треугольника Китай – Россия – США. По сути, он не видит острой необходимости восстанавливать нормальные, рабочие дипломатические отношения с Москвой. В своей политике по сдерживанию Китая Вашингтон в первую очередь обращается к своим долгосрочным партнерам в Восточной Азии – Японии, Южной Корее, Австралии, а также к Индии – это одна из причин, по которым он продвигает Индо-Тихоокеанскую стратегию. Он также опирается на своих европейских союзников и в последние годы усиливает на них давление, подталкивая их пересмотреть и ограничить свою зависимость от китайских технологий, прежде всего в ИКТ-сфере, примером чему служит кампания против *Huawei.* В том, что касается сдерживания Китая, Россия – в лучшем случае второстепенный игрок в глазах Вашингтона.

Все это не означает, что Китай и Россия не получают некоторую стратегическую выгоду от своего союза. Безусловно, такая выгода имеет место. Однако их партнерство не привносит фундаментальных изменений в стратегический ландшафт – по крайней мере, с точки зрения Вашингтона, а возможно, и Пекина – нет доказательств, что он попытается разыграть "российскую карту" против США. Только Москва может всерьез надеяться использовать свои упрочнившиеся отношения с Китаем в свою пользу – как бы то ни было, до сих пор без особого результата. В этом контексте, по крайней мере, на данный момент, трехсторонние отношения Китая, России и США не образуют стратегический треугольник.

Как показывает наш анализ, будущее формирования стратегического треугольника зависит прежде всего от России, гордящейся своей ролью великой державы – самоуправляющейся страны, которая отвергает вмешательство извне и проводит независимую внешнюю политику для достижения своих национальных интересов. Россия ценит свою стратегическую автономность, которую при любых обстоятельствах стремится сохранить, если не усилить. Вызов для нее в ближайшие годы будет неизбежно обостряться по мере обострения конкуренции между Китаем и США, восходящей и правящей сверхдержавами. Как Россия может противостоять давлению встать на чью-то сторону и пожертвовать своей стратегической автономией?[8] Один из очевидных ответов – сформировать позицию, которая позволит балансировать между двумя гигантами и использовать этот баланс в собственных стратегических целях, таких как создание стратегического треугольника.

Перед Россией стоит задача схожая с той, что стояла перед Соединенными Штатами 50 лет назад. Ей необходимо побудить США и Китай к улучшению отношений с ней – подогревая в обеих странах опасения, что она может объединиться с одной из них против другой. Безусловно, поскольку отношения России с Китаем уже налажены, ее главный и наиболее срочный приоритет – вызвать у Пекина опасение, что она может сблизиться с США, и что этот сдвиг

[8] О дискуссиях по этому вопросу см. Trenin D. 2020. How Russia Can Maintain Equilibrium in the Post-Pandemic Bipolar World. – *Carnegie Moscow Center.* URL: https://carnegie.ru/commentary/81702 (accessed 13.10.2020); см. также: [Караганов 2020].

будет иметь серьезные негативные последствия для Китая. Другими словами, Москве необходимо убедить как Вашингтон, так и Пекин в том, что ее выбор может поколебать баланс между ними. На сегодняшний день ни в одной из столиц не считают, что это возможно.

Подобный сценарий вовсе не означает автоматического разрыва России с Китаем, что было бы контрпродуктивно. В ближайшие годы России необходимы хорошие рабочие отношения с растущим Китаем, исходя из соображений ее собственной безопасности. Однако Москве необходимо избегать чрезмерной зависимости, которая бы ограничила пространство для ее стратегических маневров. Для этого ей нужны возможности, которые станут рычагами воздействия в переговорах с Пекином, как по политическим, так и по торговым вопросам, для достижения наилучших соглашений с точки зрения российских национальных интересов.

Какие действия следует предпринять Москве, чтобы занять позицию стратегического балансира? Во-первых, и это самое главное, ей необходимо продемонстрировать способность в долгосрочной перспективе генерировать ресурсы, необходимые для поддержания положения великой державы. Это включает в себя разработку и реализацию комплекса политических мер, которые позволят стране выйти из экономической стагнации и успешно конкурировать в ускоряющейся гонке технологий. Для этого потребуются как экономические, так и политические реформы, которые должны раскрыть творческий потенциал российского народа. Другой важный аспект – нормализация отношений с Западом, который остается важнейшим источником инвестиций, технологий и управленческих навыков, в которых Россия нуждается для модернизации и оживления своей экономики. Один лишь Китай неспособен предоставить все эти ингредиенты, по крайней мере, в тех объемах, которые требуются России; кроме того, то, что может предложить Китай, во многих областях по-прежнему уступает тому, что предлагает Запад. Наконец, Китай по-настоящему не заинтересован в том, чтобы помогать России развиться до уровня, при котором угроза прекращения партнерства поставила бы под угрозу стратегические интересы Китая.

В этих условиях нормализация отношений с США должна быть одним из главных пунктов российской повестки дня. Несмотря на текущие проблемы и политические трудности, США по-прежнему имеют больше технологий, управленческих навыков и финансовых ресурсов, в которых нуждается Россия, чем Китай или любая другая западная держава. Обновление отношений также сформирует американо-российский участок будущего стратегического треугольника. Безусловно, Россия неоднократно заявляла о заинтересованности в улучшении отношений, но до сих пор демонстрировала крайне слабую гибкость в решении вопросов, которые на сегодняшний день эти отношения осложняют, – в частности, касающихся обеспокоенности США вмешательством России в американскую внутреннюю политику и кризисом вокруг Украины. Однако Вашингтон не проявил особого желания восстановить нормальные рабочие отношения, даже когда вступил во взаимодействие с Москвой по вопросам стратегической стабильности в июле 2019 г. Конгресс США по-прежнему намерен наложить на Россию новые санкции из-за ее “враждебного” поведения.

В отсутствие реальных возможностей на американском направлении, по крайней мере в настоящее время, альтернативой могло бы стать укрепление

отношений с Европой, особенно с Германией и Францией, с целью создания полюса Европа – Россия в стратегическом треугольнике с Китаем и США. Такой ход может показаться сомнительным, учитывая сохраняющиеся связи Европы с США, гораздо меньший властный потенциал ведущих европейских государств по сравнению со Штатами, а также значительную разницу в стратегических амбициях и отношении европейских государств к России. Тем не менее эта задача может быть вполне посильной, особенно если разрушающая связи США с их европейскими союзниками политика Д. Трампа продолжится, а европейцы почувствуют необходимость сформировать независимую стратегическую идентичность. Если подобные отношения увенчаются успехом, это произведет дипломатическую революцию, которая захватит внимание как Вашингтона, так и Пекина. В задачи такого альянса могло бы войти достижение паритета сил как с Китаем, так и с США. Это заложило бы основу для подлинного стратегического треугольника – не того, к какому Россия стремится сегодня, но такого, который во многих отношениях стал бы куда более перспективным для продвижения стратегических интересов.

Стратегический треугольник Китай – Россия – США должен быть "делом рук" России. Ни у Вашингтона, ни у Пекина нет веских причин стремиться к нему. Обостряющаяся конкуренция между ними будет находить все новые проявления на глобальной арене, где Россия – это лишь одна из нескольких крупных держав. Задача как Вашингтона, так и Пекина состоит в том, чтобы наладить продуктивные партнерские отношения с как можно большим числом таких держав. Предметом конкуренции является формирование пула крупных партнеров, а не партнерство с каким-то одним конкретным партнером, и преимущество в этой гонке получит держава, более привлекательная в целом ряде аспектов – политических, экономических, технологических, культурных и идейных. Чтобы убедить Вашингтон и Пекин изменить свой образ мысли, России придется продемонстрировать свое уникальное значение, убедить, что ее сила – иного порядка, нежели сила Европы, Индии или Японии. Пока что сделать этого ей не удалось. Ключевой экзистенциальный вопрос для России 2020-х годов будет связан с ее попытками продемонстрировать, что она сохраняет свою значимость как геополитический игрок высшей лиги.

(Перевод А.Л. Бардина)

DOI: 10.17976/jpps/2020.06.05

CHINA-RUSSIA-US RELATIONS AND STRATEGIC TRIANGLES

T. Graham[1]

[1]*Kissinger Associates, Inc. New York, USA*

GRAHAM, Thomas E., political scientist and former diplomat, a distinguished fellow at the Council on Foreign Relations, a research scholar at Yale University, a senior adviser to Kissinger Associates, Inc, email: tgraham@cfr.org

Graham T. China-Russia-US Relations and Strategic Triangles. – Polis. Political Studies. 2020. No. 6. P. 62-72. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.05

Received: 21.08.2020. Accepted: 22.09.2020

Abstract. China, Russia, and the United States are the three most active geopolitical actors today. One central question is whether the three powers can replicate the American-Chinese-Soviet strategic

triangle of the 1970s that refashioned the global geopolitical landscape. That earlier triangle emerged as a consequence of a U.S. policy decision to reestablish relations with China as part of a strategic design to enable the United States to exit the war in Vietnam "with honor," restrain the Soviet Union's burgeoning power, and stabilize East Asia. Through deft diplomacy, Washington advanced its goals, but the triangle endured for most of the 1970s because it also advanced Soviet and Chinese interests. Today, the return of great-power competition has sparked debate about the emergence of a new strategic triangle. One does not now exist, primarily because the United States is not interested in establishing a working link with Russia. Because Washington does not believe that Russia adds much to the challenge it faces from China alone, it is unwilling to do much to disrupt growing Russian-Chinese alignment. Whether a strategic triangle comes into being depends largely on Russia. It has to convince both Washington and Beijing that its policy choices can significantly shift the balance between the two now and in the future. Neither capital believes that now, largely because they doubt Moscow's ability to revitalize the economy to generate the resources it needs to back up its great-power ambitions in the long run.

Keywords: United States, China, Russia, Kissinger, geopolitics, strategic triangle.

References

Allison G. 2018. China and Russia: A Strategic Alliance in the Making. – *The National Interest*. URL: https://nationalinterest.org/feature/china-and-russia-strategic-alliance-making-38727 (accessed 13.10.2020).

Domínguez-Jiménez M., Poitiers N. 2020. *FDI another day: Russian reliance on European investment*. Policy Contribution 03/2020. Bruegel. URL: https://www.bruegel.org/wp-content/uploads/2020/02/PC-03_2020_-1.pdf (accessed 13.10.2020).

Ford C.A. 2020. Competitive Strategy vis-a-vis China and Russia: A View from the "T" Suite. – *Arms Control and International Security Papers*. Vol. 1. No. 6. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/06/T-paper-series-6-Strategic-competition-508.pdf (accessed 13.10.2020).

Kissinger H. 1979. *White House Years*. Boston: Little, Brown and Company.

Nabil R. 2020. Evaluating Russia's Pivot to Asia. – *Yale Journal of International Affairs*. Vol. 15. P. 16-43.

Karaganov S. 2020. The Future of the Big Triangle. – *Russia in Global Affairs*. (In Russ.) URL: https://globalaffairs.ru/articles/budushhee-bolshogo-treugolnika/ (accessed 13.10.2020).

Литература на русском языке

Караганов С. 2020. Будущее большого треугольника. – *Россия в глобальной политике*. URL: https://globalaffairs.ru/articles/budushhee-bolshogo-treugolnika/ (accessed 13.10.2020).